

Н. Субботин

**Раскол как орудие
враждебных России партий**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Субботин**
Раскол как орудие враждебных России партий / Н. Субботин – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 198 с.

ISBN 978-5-458-02118-0

Раскол как орудие враждебных России партий.

ISBN 978-5-458-02118-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мятежъ, или какая доля участія принадлежала расколу въ бунтахъ Разина и Пугачева? На подобные вопросы не обращаютъ вниманія люди, желающіе видѣть въ расколѣ явленіе, вызванное исключительно враждой противъ правительства. Минуя эти вопросы, они выводятъ изъ указанныхъ событій общее заключеніе, что и всѣ дѣйствія раскольниковъ, хотя бы очевидно религіозныя, имѣютъ тотъ же антиправительственный характеръ, только прикрытый религіозностью. И такимъ образомъ людьми, повсюду ищущими антиправительственныхъ, революціонныхъ элементовъ, принимается за несомнѣнное, что расколъ есть явленіе социально-демократическое, что онъ крайне враждебно относится къ правительству и всегда, по первому призыву, готовъ возстать противъ установленной власти.

Понятно, что при такомъ возрѣвѣніи на расколъ, антирусская революціонная партія признала его родною себѣ силой, которою можетъ воспользоваться въ нужномъ случаѣ, и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что сила эта распространена по всѣмъ концамъ Русскаго государства. Нужно было поэтому заблаговременно войти въ сношеніе съ раскольниками, побрататься съ ними, выразить имъ свое родственное сочувствіе и просить такого же съ ихъ стороны, чтобы приняться общими силами за общее дѣло.... Въ этомъ отношеніи, какъ и слѣдовало ожидать, вниманіе антирусской революціонной партіи остановилось прежде всего на заграничныхъ раскольникахъ, особенно на поселившихся въ австрійскихъ и турецкихъ предѣлахъ. Вожди этой партіи предполагали, и конечно справедливо, что здѣсь скопилось гораздо больше элементовъ враждебныхъ русскому правительству нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ, обитаемыхъ раскольниками. Здѣсь жили потомки тѣхъ старообрядцевъ, которые во времена гоненій за вѣру рѣшились бѣжать изъ Россіи. Оставляя родину, эти люди, конечно, вынесли изъ нея чувства, крайне враждебныя въ отношеніи къ той власти, которая принудила ихъ рѣшиться на такое тяжкое лишеніе. Потомки ихъ, по традиціи, наслѣдовали отъ нихъ эту вражду, а новые выходцы изъ Россіи оживляли и поддерживали въ нихъ враждебныя къ Россіи чувства своими, нерѣдко преувеличенными разказами о собственныхъ личныхъ огорченіяхъ отъ русскаго правительства. Живя подъ законами иной вер-

ховной власти, они не считали себя обязанными подчиняться и наставленіямъ Слова Божія о повиновеніи предрѣжающимъ властямъ въ своихъ чувствахъ и отношеніяхъ къ русскому правительству: эти наставленія они признавали обязательными для себя по отношенію не къ русскому уже, а къ австрійскому и турецкому правительствамъ, не стѣняясь тѣмъ, что эти правительства латинское и магометанское. Другимъ важнымъ побужденіемъ для антирусской партіи войти прежде всего въ сношенія съ заграничными раскольниками, чтобы возбудить ихъ къ совокупному дѣйствованію противъ Россіи, служило самое удобство этихъ сношеній: они обезопасены отъ надзора и вмѣшательства русской власти, они могутъ происходить даже подъ покровомъ иностранныхъ правительствъ, если не враждебныхъ къ Россіи, то во всякомъ случаѣ не расположенныхъ много заботиться объ интересахъ сосѣдственной державы. А въ случаѣ успѣха сношеній съ заграничными раскольниками, самая связи и полная солидарность ихъ съ русскими старообрядцами ругались, повидимому, за успѣхъ революціоннаго дѣла и у этихъ послѣднихъ. Овладевъ же такою силой, какъ расколъ, столь широко разросшійся на русской почвѣ, и соединивъ ее съ своею, будто бы не менѣе могучею силой, какихъ успѣховъ, какого торжества нельзя будетъ достигнуть!

Такъ разсуждала, или, правильнѣе, такъ могла мечтать антирусская революціонная партія, основываясь на своихъ исключительныхъ понятіяхъ о русскомъ расколѣ. Такія мечтанія и замыслы возникли въ средѣ этой партіи довольно рано. Такимъ, конечно, соображеніями руководился въ свое время и Адамъ Чарторыйскій, когда самъ ли, по указанію ли кого другаго, обратилъ вниманіе на поселившихся за границей русскихъ старообрядцевъ, какъ на удобное орудіе для осуществленія своихъ враждебныхъ Россіи плановъ. После революціи 1830 года онъ, какъ извѣстно, выбралъ одного изъ наиболее талантливыхъ молодыхъ людей между своими адептами и отправилъ его агентомъ въ Добруджу, населенную Некрасовцами, потомками той отчальной шайки казаковъ, которая вмѣстѣ съ атаманомъ Некрасовымъ убѣжала изъ Россіи во время Булавинскаго бунта. Молодой человекъ, отправленный служить польскому дѣлу среди этого воинственнаго люда, былъ Михаилъ Чайковскій. Онъ посту-

пилъ на службу султана, принявъ исламизмъ и усердно занялся осуществленіемъ плановъ своей миссіи, въ чемъ не менѣе усердно помогали ему его соотечественники, также переселившіеся въ Турцію для основанія и утвержденія здѣсь польской пропаганды. Въ основѣ этихъ плановъ лежала мысль о восстановленіи, при посредствѣ турецкаго султана, независимости всѣхъ славянскихъ національностей подъ знаменемъ свободной Польши. Эти фантастическіе планы Чайковскаго такъ и остались пустыми фантазіями. Не осуществился и входившій въ эти планы разчетъ, при помощи добруджинскихъ казаковъ-раскольниковъ, поднять противъ Россіи единовѣрныхъ имъ казаковъ линейныхъ, донскихъ и уральскихъ. Но все-таки Чайковскій успѣлъ войти въ близкія сношенія съ различными раскольниками, стараясь оказывать имъ всякаго рода доброжелательство. Разнаго рода услуги, которыя въ качествѣ турецкаго паши имѣлъ онъ возможность оказать имъ, сдѣлали эти сношенія еще крѣпче и тѣснѣе. Н. И. Надеждинъ, вѣздившій за границу для ознакомленія съ живущими тамъ русскими старообрядцами, въ своей превосходной запискѣ *О заграничныхъ раскольникахъ*, рассказываетъ о Чайковскомъ, котораго встрѣтилъ въ Тульчѣ подъ именемъ Ахмедъ-Бей, что онъ находился въ довольно интимныхъ отношеніяхъ съ добруджинскими раскольниками и рассчитывалъ на ихъ помощь въ осуществленіи своихъ панславистическихъ фантазій. „Онъ обратилъ мое вниманіе“, писалъ Надеждинъ, „на турецкихъ казаковъ-раскольниковъ, выхваляя ихъ воинственный духъ и патріархальную суровость нравовъ, которые, по его мнѣнію, заключаютъ въ себѣ твердый залогъ счастливой будущности для восстановленія самобытности всѣхъ вообще казаковъ, возможнаго впрочемъ не иначе, какъ въ союзѣ съ Польшей.“ Отъ наблюдательнаго путешественника не скрылось, что въ казакахъ-Некрасовцахъ была уже посѣяна тогда какая-то безпокойная, тревожная мысль, которой Чайковскій служилъ проводникомъ и истолкователемъ. „Въ особенности, пишетъ онъ, поразило меня то, что каждый казакъ, являясь къ Ахмедъ-Бейю, прежде всего показывалъ ему половину какой-то медали съ особенною таинственностью и торжественностью; послѣ этого начинались между ними отрывистые разговоры, въ которыхъ слышались имена Дуная и Дона, Сѣчи и Мос-

квы, князя Адама и благополучно царствующаго императора“ (Николая I). Въ Константинополь Надеждинъ успѣлъ узнать, что таинственное лицо, называвшееся Ахмедъ-Беемъ, былъ именно Чайковскій, и что онъ, вмѣстѣ съ другимъ агентомъ Чарторыйскаго, Викентіемъ Равскимъ, хлопоталъ „о возбужденіи казаковъ къ общему дружному возстанію за казачество и за старую вѣру, *когда придетъ время*“.*

Вскорѣ по отъѣздѣ Надеждина, Чайковскому удалось помочь раскольникамъ въ такомъ дѣлѣ, которое не имѣло, по видимому, прямой связи съ его планами, но тѣмъ не менѣе могло быть для этихъ плановъ весьма полезно. Въ то самое время какъ Надеждинъ посѣтилъ Бѣлокрилицкій монастырь въ Буковинѣ, тамъ происходили сильныя хлопоты объ учрежденіи новой раскольничьей іерархіи: отъ австрійскаго правительства было получено уже формальное дозволеніе имѣть старообрядцамъ своего собственнаго епископа, и бѣлокрилицкіе депутаты, Павелъ и Алимпій, теперь именно озабочены были приисканіемъ православнаго архіерея, который согласился бы на извѣстныхъ условіяхъ сдѣлаться раскольничьимъ верховнымъ святителемъ. Видя ихъ обращены были главнымъ образомъ на патриархатъ константинопольскій, въ которомъ, какъ хорошо было извѣстно имъ, находилось много безмѣстныхъ и проживавшихъ на покой архіереевъ. Смазать въ расколъ кого-нибудь изъ нихъ, пользуясь ихъ крайне-стѣсненными обстоятельствами и совершеннымъ невѣдѣніемъ относительно русскаго раскола, вотъ на что именно разчитывали искусные раскольничьи агенты. Отправляясь съ этою дѣлюю въ Константинополь, они заѣхали въ сентябрѣ 1845 года къ западнымъ своимъ единовѣрцамъ, чтобы посоветоваться какъ удобнѣе устроить дѣло. Между Некрасовцами и въ то время уже пользовался извѣстностью, проживавшій тогда въ Сарыкойѣ, казакъ Осипъ Семеновичъ Гончаровъ, человекъ дѣйствительно умный, надѣленный рѣдкою памятью, отважный и предприимчивый, притомъ же хорошо владѣющій турецкимъ языкомъ, что большая рѣдкость между Некрасовцами.** Онъ часто ѣзжалъ въ Константино-

* См. *Записку о заграничныхъ раскольникахъ* Надеждина въ *Г. Сборника*, изданнаго Кельсиевымъ.

** Хотя многіе изъ нихъ и объясняются по-турецки, но съ трудомъ и очень неправильно.

поль и, въ качествѣ передоваго человѣка между Некрасовцами; состоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Чайковскому и другимъ проживавшимъ въ Турціи членамъ польской пропаганды. Кромѣ Чайковскаго, который жилъ большею частію въ Константинополь, хотя нерѣдко посѣщалъ некрасовскія поселенія, и кромѣ Равекаго, Гончаровъ былъ хорошо знакомъ съ жившимъ въ Константинополь французскимъ банкиромъ Алиомъ, находившимся въ самыхъ дружескихъ связяхъ съ польскими пропагандистами, и агентомъ пропаганды, старымъ завзятымъ Полякомъ—Жуковскимъ. Этотъ послѣдній, бывший сначала русскимъ офицеромъ, потомъ состоявшій на французской службѣ и наконецъ поступившій на службу султану, жилъ постоянно въ Тульчѣ и былъ главнымъ агентомъ Чайковскаго въ его сношеніяхъ съ западными раскольниками. Гончаровъ находился съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и служилъ въ свою очередь посредникомъ между нимъ и своими единовѣрцами, а также единственныимъ для этихъ послѣднихъ вѣстовщикомъ всѣхъ новостей и слуховъ о происходящемъ въ Европѣ, какими почиталъ нужнымъ снабжать его Жуковский, получавшій иностранныя газеты отъ Чайковскаго. За преданность и усердную службу Гончаровъ получилъ даже отъ польской пропаганды особый знакъ отличія. *Какъ лицо съ

* Аркадія, архіепископъ славскій, взятый Русскими во время послѣдней войны съ Турками, котораго, въ отличіе отъ вытѣпнаго Славскаго епископа Аркадія (втораго), мы станемъ называть *первымъ*, на допросѣ, сдѣланномъ ему въ Кіевѣ, говорилъ между прочимъ: „Гончаровъ имѣлъ большія съ разными лицами знакомства... Нѣтъ сомнѣнія, что въ Константинополь онъ познакомился съ Чайковскимъ. Жуковскаго я видѣлъ въ Тульчѣ, — плотный, съ сѣдыми волосами и усамъ.“ Онъ же въ другомъ дополнительномъ показаніи: „О. С. Гончаровъ часто бываетъ въ Константинополь, сносится съ французскимъ банкиромъ Алиомъ и съ турецкими начальствами... Главнымъ вѣстовщикомъ всѣхъ новостей для Некрасовцевъ былъ и есть Гончаровъ и еще Полякъ Жуковский, бывший прежде въ русской и французской службѣ. Послѣдній въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Садыкъ-пашой (Чайковскій) и Алиомъ и отъ перваго получаетъ иностранныя газеты.“ Въ октябрѣ 1854 года, новороссійскій генералъ-губернаторъ писалъ между прочимъ, что „Некрасовцы были постоянно покровительствуемы жившимъ въ Тульчѣ агентомъ польской въ Константинополь пропаганды, Жуковскимъ,“ что „Чайковскій нерѣдко посѣщалъ некрасовскія се-

такими значительными связями, Гончаровъ пользовался влияніемъ между Некрасовцами и принималъ близкое участие въ церковныхъ дѣлахъ заграничнаго старообрядства. Когда бѣлориницкіе депутаты, затѣявшіе основать независимую раскольничью іерархію, на пути въ Константинополь прибыли къ Некрасовцамъ и объявили имъ о своемъ намѣреніи, Гончаровъ принялъ это извѣстіе съ большимъ сочувствіемъ и вызвался, при помощи своихъ связей, оказать имъ содѣйствіе. Онъ снабдилъ ихъ рекомендательными письмами къ константинопольскимъ друзьямъ, и особенно рекомендовалъ ихъ Чайковскому. Гончаровъ просилъ Чайковского помочь своимъ совѣтомъ и влияніемъ устроению дѣла, отъ котораго надлежало ожидать важныхъ послѣдствій для всего старообрядства.

Трудно допустить, чтобы и австрійское правительство, предоставляя раскольникамъ право учредить въ Буковинѣ свою независимую іерархію, дѣйствовало безъ всякаго намѣренія причинить какой-нибудь вредъ дружественной Россійской имперіи; намѣреніе это можно легко усмотрѣть въ той необыкновенной внимательности, съ какою высшія правительственные лица въ имперіи принимали двухъ раскольничьихъ монаховъ, и въ томъ рѣдкомъ усердіи, съ какимъ хлопотали они въ пользу сколько страннаго, столько же смѣлаго предпріятія этихъ монаховъ *. Чайковскій въ свою очередь также

ленія * и „что Гончаровъ въ 1846 году получалъ отъ польской пропаганды за усердную службу знакъ отличія.“ За сообщеніе этихъ и другихъ извѣстій мы обязаны благодарностію П. И. Мельяинову, имѣвшему возможность пользоваться правительственными архивами.

* Въ Вѣнѣ самое живое участіе къ своему дѣлу Павелъ и Алимпій встрѣтили именно со стороны ерцгерцога Лудвига и тогдашняго министра-президента графа Коловрата. Павелъ тогда же писалъ изъ Вѣны въ Бѣлую Крилицу: „и лично были у герцога, царскаго роднаго дяди, который за несовершеннымъ здоровьемъ царя правитъ всеми царскими дѣлами, и сверхъ нашего предшекія онъ внимательно о всемъ нашемъ дѣлѣ на словахъ разспрашивалъ насъ, и по всему кажется, что не позволитъ кому-либо насъ обидѣть.“ О министрѣ въ томъ же письмѣ говорилось: „Сія, столь важная особа, кажется, больше возымѣлъ ревность къ полному удовлетворенію нашей просьбы и наконецъ съ пылкостью сказалъ: „завтра же буду видѣть его высочество, ерцъ-герцога Лудвига, и буду о вамъ говорить, а когда возвратится ваше дѣло изъ губерніи,

весьма легко могъ сообразить, сколько новыхъ выгодъ получить анти-русское дѣло, если заграничнымъ раскольникамъ удастся утвердить у себя средоточіе раскольничьей духовной власти, къ которому будетъ тяготѣть весь старообрядскій міръ, какъ удобно будетъ чрезъ посредство этой власти дѣйствовать на русскихъ старообрядцевъ, и какая вообще сдѣлана будетъ непріятность русскому правительству учрежденіемъ старообрядской архіерейской кафедрѣ за границей. Все это, очень естественно, расположило его дѣйствовать со всѣмъ усердіемъ въ пользу задуманнаго бѣлокриницкими монахами предпріятія. Онъ принялъ на себя главныя хлопоты объ отысканіи архіерея; самими же депутатамъ, ради устранения всякихъ подозрѣній со стороны Грековъ и особенно греческаго духовенства, а также и самого турецкаго правительства, посоветовалъ вести себя какъ можно осторожнѣе и показываться на улицахъ и гдѣ бы то ни было какъ можно меньше. Такая предосторожность была тѣмъ нужнѣе, что Павелъ и Алимпій имѣли обычай всюду являться въ своемъ иночествѣ, и страннымъ одѣяніемъ раскольничьяго инока легко обращали на себя вниманіе: извѣстно, что въ Вѣнѣ, гдѣ они также расхаживали въ своихъ круглыхъ кампавочкахъ съ вѣвчикомъ и въ своихъ манатейкахъ, за ними чуть не бѣгали толпы уличныхъ мальчишекъ *. На этотъ разъ они могли, впрочемъ, легко избавиться отъ опасности быть замѣченными въ Константинополѣ. Частію для очищенія своей совѣсти, а еще болѣе ради успокоенія всего старообрядства, они считали нужнымъ обойти восточныя страны—

„и я буду оное видѣть“ (въ львовскомъ губернскомъ управленіи дѣлу ихъ противопоставлены были важныя препятствія, вслѣдствіе чего они и рѣшились перенести его въ столицу и подать „рекурсъ“ самому императору). Тѣмъ окончилъ аудіенцію.* Письмо отъ 14-го іюля 1843 года.

* Вотъ что писалъ объ этомъ самъ Павелъ: „Народъ здѣсь (въ Вѣнѣ) вообще вѣжливый, но только въ разсужденіи нашего страднаго для нихъ образа столь удивляются, что даже если по какому-либо случаю гдѣ идя, на минутку остановишася, спросить кого о чемъ, или въ лавкѣ что-либо купить, то со всѣхъ сторонъ толпами соберется народъ и обступя дивятся, аки на какое чудище, потому что такого вида человека, какъ мы, никто здѣсь и средѣ не видаетъ“ (Письмо изъ Вѣны въ Бѣлаую Криницу отъ 14-го іюля 1843 г.)

Египеть, Сирію, Палестину, чтобы поискать тамъ епископовъ *древляго благочестія* (о существованіи которыхъ ходили между старообрядцами странные слухи) или же такого изъ православныхъ епископовъ, который бы согласился на воспріятіе этого, такъ-называемаго „древляго благочестія“. Въ путешествіе на Востоку они и отправились теперь, оставивъ все дѣло о присканіи въ Константинополь нужной имъ священной особы на попеченіе пана Чайковскаго съ братіей. Когда они возвратились изъ Палестины, и конечно безъ всякаго успѣха, какъ предполагали и сами, въ Константинополь дѣло ихъ было уже подвинуто къ концу: Чайковскій нашелъ весьма опытнаго и искуснаго агента — известнаго Константина Огняновича, а Огняновичъ въ свою очередь отыскалъ Амвросія и успѣлъ объяснить ему сущность дѣла съ самой выгодной для него стороны. Павлу и Алимпію оставалось только договориться съ Амвросіемъ относительно подробностей перехода въ расколъ и особенно относительно денежныхъ условій, которыя, какъ извѣстно, къ обоюдному удовольствію и были заключены 16-го апрѣля 1846 года. Но участіе Чайковскаго и его соратниковъ не ограничилось однимъ присканіемъ нужной для раскольниковъ духовной особы.

Такъ какъ путешествіе въ Палестину значительно истощило денежный запасъ, взятый депутатами изъ Бѣлой-Крилицы, а между тѣмъ, на расходы въ Константинополь и на обратный переѣздъ вмѣстѣ съ новопріобрѣтеннымъ митрополитомъ въ Буковину, денегъ требовалось немало, то Чайковскій помогъ имъ и въ этомъ отношеніи: онъ снабдилъ Павла значительною суммой, которая въ послѣдствіи съ благодарностью была выслана ему изъ Бѣлой-Крилицы; когда нужно было доискаться вывезти Амвросія изъ Константинополя, то и это, довольно опасное дѣло устроили тѣ же подьячкіе друзья старообрядцевъ. Они выправили для Амвросія паспортъ на имя майноскаго казака-Некрасовца; они отыскали удобный на берегу Босфора домъ, гдѣ Амвросій перерядился въ казацкое платье, такъ что въ одни ворота вошелъ греческимъ митрополитомъ, а въ другіе вышелъ „некрасовскимъ майносскимъ казакомъ“; они же наконецъ, подъ своею охраной и прикрытіемъ, проводили его до самаго парохода и съ рукъ на руки передали Павлу, который давно уже нетерпѣливо ожидалъ ихъ на этомъ, готовомъ къ

отплытію, пароходѣ, перебравшись на него заблаговременно и приготовивъ мѣсто для Амвросія *. Такъ много и такъ усердно содѣйствовалъ Чайковскій съ братіей пріобрѣтенію архіерея для раскольниковъ, а слѣдовательно и учрежденію новой раскольниковъ іерархіи.

II.

Итакъ пресловутая бѣлокриницкая іерархія основана при сильномъ и дѣятельномъ пособіи проживавшихъ въ Константинополѣ польскихъ выходцевъ. Понимая всю неблаговидность дѣла съ этой стороны, Павелъ, чтобъ избѣжать соблазна, старался сохранить въ тайнѣ отъ старообрядцевъ, особенно московскихъ, все что касалось участія Поляковъ въ пріисканіи Амвросія **; но участіе это не подлежитъ

* Аллипцій убѣждае изъ Константинополя раньше. Отъзвѣдь же Амвросія вотъ какъ описывалъ самъ Павелъ въ письмѣ къ бѣлокриницкому настоятелю Гердентію: „Первый его (Амвросія) составяе додвигъ, какъ отторгнуться отъ того края, у котораго онъ приваанъ былъ крѣпкимъ узломъ: ибо на пароходѣ показаться, нужно согласно паспорту некрасовскимъ маймосскимъ казакомъ, а по городу, по знакомству лицъ, никакъ невозможно пройти въ такомъ странномъ видѣ. Но Богъ промыслилъ посредствомъ *благодѣтелей нашихъ*. Назначено было одно великое заданіе, заведеніе близъ пристани, чтобы въ однихъ ворота войти митрополитомъ, а въ другіе выйти казакомъ и прямо на пароходѣ, что и учинено было съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Перебравъ на пароходѣ между безчисленнаго множества лодокъ и народовъ, въ странной одеждѣ, закрыть весь, едва только видны одни глаза и притомъ отъ сильнаго зноя подъ зонтикомъ *провожающихъ пріятелей*, а я былъ уже на пароходѣ и уготовалъ мѣсто, и онъ аки пльвнмъ и трасуційся введенъ былъ въ камору 2 номера, и аки безчувственъ положевъ въ доже за завѣсочку мало отдохнуть, и собраться съ духомъ.“ (Письмо отъ 8-го іюля 1846 г.).

** Достоинно замѣчанія, что Павелъ, (а равно и епископъ Аркадій Славскій, какъ увидимъ въ послѣдствіи) въ своихъ письмахъ избѣгалъ прямыхъ указаній на лица польскаго происхожденія, когда приходилось говорить объ ихъ одожденіяхъ расколу, а называлъ ихъ вообще *благодѣтелями, пріятелями* и т. п. Когда же случалось некоторымъ изъ этихъ благодѣтелей пріѣзжать въ Бѣлую Криницу, то Павелъ, принимая ихъ со всѣмъ почетомъ, никому однакожь изъ братіи, за исключеніемъ самыхъ близкихъ, какъ на-

сомнѣнію, и старообрядцы за первопрестольника и родоначальника ихъ нынѣшней іерархіи обязаны, между прочимъ, воздать должную благодарность полонизму и прикрытому турецкою чалмой католицизму.... Самъ же представитель католической Польши на мнимо-турецкой службѣ, панъ Чайковскій, такъ усердно помогая учрежденію раскольничьей іерархіи за границей, руководился какъ мы сказали, своими

примѣръ Онуфрія, не говорилъ, что за лица эти дорогіе гости. Еще любопытнѣе въ настоящемъ случаѣ слѣдующее обстоятельство: Бѣлокриницкій епископъ Корнелій, подъ руководствомъ и надзоромъ самого Павла, подробно изложилъ для Русскихъ и въ особенности московскихъ старообрядцевъ исторію учрежденія бѣлокриницкой іерархіи, со внесеніемъ всѣхъ относящихся къ ней матеріаловъ. Цѣлая обширная глава въ этой исторіи посвящена была описанію того, какое участіе принимали въ дѣлѣ митрополита Амвросія польскіе выходцы. Когда Павелъ просматривалъ исторію, то собственноручно вырвалъ изъ нея всю главу о сношеніяхъ съ Поляками, замѣтивъ, что московскимъ вѣдать того не подобаетъ. Кстати скажемъ, какаа судьба постигла исторію Корнелія. Въ 1854 году онъ отправился съ нею въ Россію. Переходя австро-молдавскую границу, въ Немерчечені, онъ былъ задержанъ молдавскими таможенными чиновниками, которые по причинѣ военного времени оказывали особенную бдительность. При осмотрѣ бумагъ Корнелія вниманіе ихъ обратила на себя тетрадка, содержавшая толкованіе 11 и 12 главъ третьей книги Эадры (о видѣніи ораа). Толкованіе это составлено было Конономъ, въ послѣдствіи епископомъ новозыбковскимъ, пріѣздившимъ къ судьбамъ православной церкви и Русскаго государства. Такъ какъ въ немъ упоминалось не одинъ разъ имя императора Николая I, то чиновники приняли его за сочиненіе политическаго содержанія, посему и задержали Корнелія, какъ подозрительнаго человѣка. Присутствіе русскихъ войскъ въ Молдавію придавало этому обстоятельству въ глазахъ Корнелія чрезвычайную важность: онъ страшно перепугался. Но одинъ изъ таможенныхъ же чиновниковъ, знакомый съ задунайскими и австрійскими старообрядцами, выпустилъ Корнелія, который и посѣпшилъ укрыться въ Мануиловскомъ скиту. Сюда ему были доставлены брошенные имъ въ таможенѣ, по причинѣ посѣпшнаго бѣгства, его бумаги, въ томъ числѣ и исторія. Нанугамный всѣмъ случившимся, Корнелій немедленно бросилъ ихъ въ печь и сжегъ. Такимъ образомъ погибъ весьма любопытный матеріалъ для исторіи бѣлокриницкой митрополіи; но та глава о сношеніяхъ съ Поляками, которую Павелъ вырвалъ изъ рукописи и оставилъ у себя, этой печальной участи избѣгла.